

Т. К. Рябинина

*Юго-Западный государственный университет,
г. Курск, Российская Федерация*

А. А. Козьявин

*Юго-Западный государственный университет,
г. Курск, Российская Федерация*

ИТОГИ СУДЕБНЫХ РЕФОРМ В РОССИИ XIX И XXI ВЕКАХ И ИХ РОЛЬ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ПРЕДЕЛОВ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ*

Аннотация. В статье охарактеризованы порядок реализации и ключевые итоги судебно-правовых реформ, предпринятых в России в середине XIX и конце XX вв. и воплощенных в Судебные уставы (1864) и Уголовно-процессуальный кодекс России (2001). Обосновывается уникальное сходство реформ, несмотря на очевидное различие исторических этапов в развитии отечественного государства, правосудия и уголовного судопроизводства. Приводятся аргументы в пользу признания большей результативности и несопоставимой структурной логичности Судебных уставов по сравнению с уголовно-процессуальным правом современной России. Делаются выводы о тождественности судьбы этих реформ, а также обосновывается возможность использования дореволюционного российского опыта в разрешении проблемы пределов судебного разбирательства, связанной с необходимостью предъявления подсудимому более тяжкого обвинения.

Ключевые слова. Судебно-правовая реформа; Судебные уставы; уголовное судопроизводство; уголовно-процессуальное законодательство; пределы судебного разбирательства.

Информация о статье. Дата поступления 11 сентября 2014 г.; дата принятия к печати 15 сентября 2014 г.; дата онлайн-размещения 27 января 2015 г.

T. K. Ryabinina

*South-Western State University,
Kursk, Russian Federation*

A. A. Kozyavin

*South-Western State University,
Kursk, Russian Federation*

RESULTS OF RUSSIA'S JUDICIAL REFORMS IN THE XIX-TH AND XXI-ST CENTURIES AND THEIR ROLE IN SOLVING THE PROBLEMS OF SCOPE OF THE COURT TRIAL IN CRIMINAL PROCEDURE

Abstract. The article characterizes the way of implementation and the key results of the judicial and legal reforms undertaken in Russia in the middle of the XIX-th and in the end of XX-th centuries and embodied in the Judicial Statutes (1864) and in the Russia's Criminal and Procedural Code (2001). It substantiates the unique similarity of the reforms despite the obvious differences of historical stages in development of the national state, justice and criminal procedure. It brings forward arguments in favor of admittance of greater performance and ir-

* Материалы статьи обсуждены на международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства», г. Иркутск, ФГБОУ ВПО «БГУЭП», 25–26 сентября 2014 г.

reconcilable structural logic of the Judicial Statutes in comparison to the criminal and procedural law of modern Russia. It makes conclusions about the identity of these reforms' fate, as well as substantiates a possibility of using the pre-revolutionary Russian experience in solving the problems of court trial limits connected with the necessity of bringing an escalated charge to the defendant.

Keywords. Juridical and legal reform; the Judicial Statutes; criminal procedure; criminal and procedural legislation; limits of court trial.

Article info. Received September 11, 2014; accepted September 15, 2014; available online January 27, 2015.

Оценивая ход судебно-правовых реформ XIX и конца XX вв. и внедрение их положений в жизнь, следует вспомнить об удивительной повторяемости истории. Дело в том, что, начавшись с радужных приветствий со стороны большей части юридической общественности, обе реформы, несмотря на очевидные успехи, позволяющие их назвать движением вперед, или, по крайней мере, не признать безрезультатными или ошибочными, столкнулись с самого начала набравшим силу противодействием. Основным аргументом в пользу отступления от ключевых положений судебно-правовой реформы и тогда, и сегодня является несоответствие новых процессуальных форм менталитету российского народа, его правовым традициям, а также конкретному историческому моменту и его общегосударственным задачам. Так мотивировал необходимость контрреформ в объяснительной записке министр юстиции Российской Империи Н. В. Муравьев¹, таковы же и доводы современных ученых-процессуалистов, политических деятелей и руководителей государственных органов и служб [10]. Вместе с тем, ни в XIX в., ни сегодня фундаментальной научной базы под подобные аргументы не приводилось и не приводится. Более того, различия взглядов профессионального чиновничьего сообщества и широкой общественности на причины, итоги и перспективы судебной реформы лишают первых права обосновывать выгодную им в профессиональном смысле контрреформу ментальностью народных масс. Напротив, как справедливо указала И. Г. Смирнова, «эффективность применения уголовно-процессуальных норм, их должное толкование во многом зависят от общественного мнения, существующих в обществе ментальных установок» [13, с. 59]. Все это делает еще более актуальными комплексные социальные, системные и аксиологические исследования уголовного судопроизводства, предпринятые в российской науке лишь в последние 5–10 лет (в частности, работы И. Б. Михайловской [9], И. Г. Смирновой [14], Е. Г. Васильевой [1], А. А. Козявина [7] и др.).

Если бы стояла задача кратко сформулировать главное и общее завоевание обеих судебно-правовых реформ, то при всем субъективизме собственного суждения можно было бы смело назвать небывалый рост юридической активности и юридического самосознания населения страны. Именно эти два явления позволили и в XIX в., и на рубеже тысячелетий существенно поднять престиж юридической профессии, дать мощнейший толчок к развитию института адвокатуры и всей системы судебной защиты прав личности. И это в равной степени хоть и в разных масштабах характеризует обе судебно-правовые реформы.

В остальном же следует признать, что Судебные уставы (1864) оказались куда более продуктивными с точки зрения свершения процессуальной революции в отечественном уголовном судопроизводстве, нежели реформа конца XX — начала XXI в. Конечно, переход от позднесредневекового розыскного уголовного процесса в XIX в. к смешанному не может не быть более ярким

¹ Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части : объяснительная записка к проекту новой редакции учреждения судебных установлений. СПб. : Сенат. тип., 1900. Т. 1. С. 65.

событием, чем пусть и принципиальная, но все же модернизация советского смешанного уголовного процесса до смешанного нового российского. Тем не менее, создается стойкое убеждение, что проведенные в самодержавной России преобразования оставили нам процессуальное наследие «на века», а вот новеллы Уголовно-процессуального кодекса России 2001 г. могут не прожить и 20–30 лет.

Так, в современном уголовном процессе возрождены институты мировой юстиции и суд присяжных, которые были учреждены именно в XIX в., да и организация следственной и прокурорской деятельности в основе своей корнями уходит в Уставы 1864 г. Связано это с тем, что при всех недостатках и компромиссных решениях, которых нельзя было избежать в ходе подготовки и утверждения Судебных уставов, у реформы 1864 г. была стройная логическая структура, суть которой — уголовное преследование организационно не может корректировать объективное познание обстоятельств совершенного преступления и воздействовать на власть судебную. Отсюда возникает институт именно судебного следователя, пусть и с известными издержками, объективного и беспристрастного, которому, разумеется, можно доверить такую цель уголовного процесса, как достижение пресловутой объективной истины по делу. При этом ему не мешают чрезмерные формально-юридические барьеры в процессе доказывания или в системе стадий уголовного процесса, нет даже стадии возбуждения уголовного дела, хотя водораздел между полицейской и процессуальной следственной деятельностью уже ощутим. В то же время логично, что в уголовном процессе самодержавной России при ее особом внимании к публичности сферы борьбы с преступностью не применяются никакие элементы концепции «уголовного иска», вроде сделок о признании вины или целесообразности уголовного преследования.

Современный же уголовный процесс, будучи результатом реформы 90-х гг. XX в., как раз прослыл образцом противоречивости, эклектичности и непоследовательного внедрения идей концепции «уголовного иска» в традиционную (еще с дореволюционных времен) ткань уголовно-процессуальной формы, нацеленной на достижение объективной истины. В результате, демократические принципы, соответствующие этой концепции, обреченно увязли в старой структуре досудебного производства и уголовно-процессуального доказывания, характерной для парадигмы «объективная истина». Вот почему среди предложений по совершенствованию действующего уголовно-процессуального права к числу наиболее обсуждаемых в науке относятся объективная истина и гарантии ее установления [2, с. 5–6], отказ от стадии возбуждения уголовного дела [3, с. 16–17] (первый шаг на данном пути в марте 2013 г. уже был сделан), а также возрождение института судебного следователя [11, с. 10–13; 12, с. 17–21]. Опять же странно, что когда данные предложения облачаются в форму законодательной инициативы, они нелогично друг друга не предполагают¹.

В какой-то степени этой же тенденции соответствуют и направления совершенствования действующего уголовно-процессуального законодательства, по которым осуществляют свою работу российский законодатель и Конституционный Суд РФ. Так, в 2003 г. впервые с момента реформы расширены основания для возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса России, в 2008 и 2013 гг. состоялось очередное их расширение. Фактически был реанимирован институт возвращения уголовного дела из суда для производства дополнительного рассле-

¹ Обсуждение законопроектов : проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу».

дования, весьма популярный среди ученых-процессуалистов и практиков [4, с. 99–100; 5, с. 96–100; 6; 8, с. 135–136], в том числе и в целях предъявить обвиняемому более тяжкое обвинение, в том числе и по инициативе суда, как неожиданно и наперекор ранее сформулированным правовым позициям указал Конституционный Суд РФ¹. Более того, буквальное толкование последней из высказанных Конституционным Судом РФ правовых позиций позволяет утверждать, что изменять подсудимому обвинение на более тяжкое предпочтительнее именно в суде. В такой процессуальной форме устранения ошибок предварительного расследования, на наш взгляд, нет ничего предосудительного и недемократического (пожалуй, за исключением ничем не ограниченной инициативы суда), ибо такой опыт можно найти в уголовно-процессуальных системах стран континентальной Европы и даже на постсоветском пространстве. Имеет этот процессуальный порядок опору и на правовое наследие Судебных уставов 1864 г.

Так, в соответствии с Уставом уголовного судопроизводства пределы судебного следствия определялись обвинительным актом или жалобой частного обвинителя, в которых точно указывались обвиняемое лицо и деяние, ему вменяемое. В отличие от предварительного следствия окончательное производство в суде никогда не могло направиться против лиц, в акте или жалобе не поименованных, за исключением дел, рассматриваемых местными единоличными (мировыми) судьями, когда судья мог по собственному усмотрению привлечь к ответственности новых лиц [15, с. 432].

Как писал И. Я. Фойницкий, «обвинительный акт для окончательного производства представляется лишь канвой, на которой может быть нарисован разный рисунок» [Там же]. Поэтому для суда, кроме обвинительного акта, имело значение и судебное состязание, т. е. судебное следствие и прения сторон, и особенно, если ими изменялись выводы обвинительного акта и возводилось на привлеченного к ответственности подсудимого иное обвинение, обвинительным актом не предусмотренное.

Суд должен был решать вопрос о виновности подсудимого, не будучи связанным ни сознанием последнего, ни отказом обвинителя от поддержания обвинения, исключительно по внутреннему убеждению, основанному на обсуждении в совокупности всех обстоятельств дела [16, с. 792].

Чем объясняется такая неограниченная судебная власть? А тем, что российская судебная реформа XIX в. за образец взяла не англосаксонскую систему уголовного процесса, ограничивающую производство дела пределами, наменными обвинением, а французскую, в соответствии с которой с момента поступления дела в суд последний становился его хозяином и мог исследовать его во всех направлениях, не стесняясь указанными обвинителем пределами ни в отношении лиц, ни в отношении вменяемых им деяний, что в свою очередь вытекало из задачи суда открыть материальную истину [15, с. 46–47].

Так, в Основных положениях уголовного судопроизводства, являющихся как бы краткой объяснительной запиской к Уставу уголовного судопроизводства, четко указывалось: «Цель уголовного судопроизводства есть обнаружение так называемой материальной истины относительно происшествия или деяния, признаваемого преступным, и наказание действительно виновного в совершении преступления или проступка» [16, с. 750].

¹ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П.

Поскольку обнаружение материальной истины в процессуальной науке связывалось с защитой публичных интересов, а не частных, в первую очередь права на защиту от непредвиденных изменений обвинения, именно эта концепция и отпугнула современных реформаторов, которые, как уже отмечалось, отдали приоритет защите личного, а не публичного интереса, и, поэтому, видимо, не воспользовались предложенной еще Уставом уголовного судопроизводства процедурой по изменению обвинения.

Так, при усилении обвинения судебным следствием и заключительными прениями суд мог принять одно из двух решений:

– дело обратить вновь к предварительному следствию и к составлению нового обвинительного акта, в случае если установлены обстоятельства, изменяющие не только квалификацию, но и фактический состав деяния, указывая на виновность подсудимого в ином деянии;

– дело слушать по прежнему обвинительному акту с правом сторон просить об отсрочке для приготовления к состязанию по вновь открывшимся обстоятельствам, при изменении одной лишь юридической квалификации обвинения. При этом председатель предупреждал подсудимого о последствиях изменения обвинения, с отметкой в протоколе заседания, и если он требовал дать ему время подготовиться к защите, то в этих целях по определению суда могло быть приостановлено производство по делу. Если подсудимый не требовал этого, то суд мог продолжить рассмотрение дела, не откладывая заседания.

Таким образом, именно исторический опыт разрешения проблемы пределов судебного заседания оказался востребованным и на данном этапе развития отечественного уголовного процесса.

В отличие от Судебных уставов 1864 г., сохранивших свою силу и значимость в большинстве тех сфер, которые не касались государственного самодержавного строя, и упраздненных лишь в результате тотального социального потрясения (Октябрьская революция 1917 г.), российская судебная реформа ХХI в., все более усугубляя разрыв между декларируемыми принципами и реальной уголовно-процессуальной деятельностью, вряд ли оставит потомкам какое-либо оригинальное правовое наследие. Пожалуй, лишь одна процедура в современном российском уголовном процессе, если проанализировать практику, действительно удалась — это особый порядок судебного разбирательства в порядке гл. 40 Уголовно-процессуального кодекса России, столь активно практикующийся в российской судебной системе.

Список использованной литературы

1. Васильева Е. Г. Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование / Е. Г. Васильева. — М. : Юрлитинформ, 2013. — 584 с.
2. Волеводз А. Г. Истина в уголовном судопроизводстве: точки зрения, сомнения и аргументы науки / А. Г. Волеводз // Библиотека криминалиста. — 2012. — № 4. — С. 5–6.
3. Гаврилов Б. Я. Влияние уголовно-процессуального законодательства на состояние борьбы с преступностью: цифры и факты / Б. Я. Гаврилов // Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики : сб. ст. — М. : Волтерс Клувер, 2010. — С. 15–23.
4. Давыдов В. А. Пересмотр в порядке надзора судебных решений по уголовным делам: производство в надзорной инстанции : науч.-практ. пособие / В. А. Давыдов. — М. : Волтерс Клувер, 2006. — 280 с.
5. Кальницкий В. В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу возвращения уголовного дела в досудебное производство / В. В. Кальницкий, Т. В. Курахова // Уголовное право. — 2009. — № 4. — С. 96–100.

6. Кальницкий В. В. Существо и порядок реализации позиции Конституционного Суда России по вопросу о возвращении дела прокурору для усиления обвинения / В. В. Кальницкий, Т. В. Куряхова. — URL : <http://www.iuaj.net/node/1409>.
7. Козявин А. А. Социальное назначение и функции уголовного судопроизводства / А. А. Козявин. — М. : Юрлитинформ, 2010. — 272 с.
8. Лукожев Х. М. Возвращение уголовного дела для дополнительного расследования / Х. М. Лукожев // Научные труды. РАЮН : в 3 т. — М. : Юрист, 2005. — Т. 3, вып. 5. — С. 135–136.
9. Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма) / И. Б. Михайловская. — М. : Велби ; Проспект, 2003. — 144 с.
10. Петров И. Судьям предлагать не полагаться на позиции прокуроров и адвокатов / И. Петров. — URL : <http://www.rbcdaily.ru/society/562949990413884>.
11. Рябина Т. К. Системные противоречия процессуальной формы предварительного расследования и пути их разрешения / Т. К. Рябина, А. А. Козявин // Российский следователь. — 2009. — № 21. — С. 10–13.
12. Рябина Т. К. Следственный комитет или судебный следователь / Т. К. Рябина // Уголовное судопроизводство. — 2011. — № 1. — С. 17–21.
13. Смирнова И. Г. Общественное мнение об уголовном судопроизводстве: о чем говорят цифры / И. Г. Смирнова // Журнал российского права. — 2011. — № 5. — С. 57–65.
14. Смирнова И. Г. Социальная ценность уголовного судопроизводства / И. Г. Смирнова. — М. : Юрлитинформ, 2011. — 352 с.
15. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. / И. Я. Фойницкий. — СПб. : Альфа, 1996. — Т. 2. — 607 с.
16. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права / М. А. Чельцов-Бебутов. — СПб. : Равена : Альфа, 1995. — 846 с.

References

1. Vasil'eva E. G. *Ugolovnyy protsess: dogmatiko-aksiologicheskoe issledovanie* [Criminal Procedure: dogmatic and axiological research]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2013. 584 p.
2. Volevodz A. G. The truth in criminal proceedings: views, doubts and science arguments. *Biblioteka kriminalista = Library of the Criminologist*, 2012, no. 4, pp. 5–6. (In Russian).
3. Gavrilov B. Ya. The impact of the criminal and procedural legislation on the state of struggle against crime: figures and facts. *Ugolovno-protsessual'noe zakonodatel'stvo v sovremennykh usloviyakh: problemy teorii i praktiki* [Criminal and procedural legislation in the current context: problems of theory and practice]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2010, pp. 15–23. (In Russian).
4. Davydov V. A. *Peresmotr v poryadke nadzora sudebnykh resheniy po ugolovnym delam: proizvodstvo v nadzornoj instantsii* [Revision in the exercise of supervising trial decisions in criminal cases: procedure in the supervisory instance]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2006. 280 p.
5. Kal'nitskiy V. V., Kuryakhova T. V. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on issue of returning a criminal case to pretrial procedure. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2009, no. 4, pp. 96–100. (In Russian).
6. Kal'nitskiy V. V., Kuryakhova T. V. *Sushchestvo i poryadok realizatsii pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossii po voprosu o vozvrashchenii dela prokuroru dlya usileniya obvineniya* [The essence and order of implementing the position of the Constitutional Court of Russia on issue of returning cases to the prosecutor in order to strengthen accusations]. Available at: <http://www.iuaj.net/node/1409>.
7. Kozyavin A. A. *Sotsial'noe naznachenie i funktsii ugolovnogo sudoproizvodstva* [Social destination and functions of criminal procedure]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2010. 272 p.
8. Lukozhev Kh. M. Return of the criminal case for additional investigation. *Nauchnye trudy. RAYuN* [Scientific Proceedings of Russian Academy of Juridical Sciences]. Moscow, Yurist Publ., 2005, vol. 3, iss. 5, pp. 135–136. (In Russian).
9. Mikhaylovskaya I. B. *Tseli, funktsii i printsipy rossiyskogo ugolovnogo sudoproizvodstva (ugolovno-protsessual'naya forma)* [Objectives, functions and principles of Russian

criminal procedure (the criminal-procedural form) Moscow, Velbi Publ., Prospekt Publ., 2003. 144 p.

10. Petrov I. *Sud'yam predlozhat ne polagat'sya na pozitsii prokurorov i advokatov* [Judges will be offered not to rely on positions of prosecutors and lawyers]. Available at: <http://www.rbcdaily.ru/society/562949990413884>.

11. Ryabinina T. K., Kozyavin A. A. System contradictions of the procedural form of preliminary investigation and the ways of their solving. *Rossiyskiy sledovatel' = Russian Investigator*, 2009, no. 21, pp. 10–13. (In Russian).

12. Ryabinina T. K. Investigating committee or court investigator. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal Procedure*, 2011, no. 1, pp. 17–21. (In Russian).

13. Smirnova I. G. Public opinion on criminal proceedings: what the numbers say. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, 2011, no. 5, pp. 57–65. (In Russian).

14. Smirnova I. G. *Sotsial'naya tsennost' ugolovnogo sudoproizvodstva* [Social Value of Criminal Procedure]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2011. 352 p.

15. Foynitskiy I. Ya. *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* [A Course of Criminal Procedure]. St. Petersburg, Al'fa Publ., 1996. Vol. 2. 607 p.

16. Chel'tsov-Bebutov M. A. *Kurs ugolovno-protsessual'nogo prava* [A Course of Criminal and Procedural Law]. St. Petersburg, Ravena Publ., Al'fa Publ., 1995. 846 p.

Информация об авторах

Рябинина Татьяна Кимовна — кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94, e-mail: law_kstu@list.ru.

Козьявин Андрей Александрович — кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного процесса, Юго-Западный государственный университет, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94, e-mail: koziavin@mail.ru.

Authors

Tatyana K. Ryabinina — PhD in Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Head of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics, South-Western State University, 94 50 Let Oktyabrya St., 305040, Kursk, Russian Federation; e-mail: law_kstu@list.ru.

Andrey A. Kozyavin — PhD in Law, Candidate of Law, Associate Professor, Chair of Criminal Procedure and Criminalistics, South-Western State University, 94 50 Let Oktyabrya St., 305040, Kursk, Russian Federation; e-mail: koziavin@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Рябинина Т. К. Итоги судебных реформ в России XIX и XXI веках и их роль в решении проблем пределов судебного разбирательства в уголовном процессе / Т. К. Рябинина, А. А. Козьявин // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). — 2015. — Т. 6, № 1. — URL : <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=19971>. — DOI: [10.17150/2072-0904.2015.6\(1\).21](https://doi.org/10.17150/2072-0904.2015.6(1).21).

Reference to article

Ryabinina T. K., Kozyavin A. A. Results of Russia's judicial reforms in the XIX-th and XXI-st centuries and their role in solving the problems of scope of the court trial in criminal procedure. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii (Baykalskiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava) = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law)*, 2015, vol. 6, no. 1. Available at: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=19971>. DOI: [10.17150/2072-0904.2015.6\(1\).21](https://doi.org/10.17150/2072-0904.2015.6(1).21). (In Russian).